

«Каждый камешек ждет своего часа»

Владимир Михайлов – русский художник-самоучка, камнерез. Прикладным искусством занимается с 1985 г. Основная тема его творчества – православные сюжеты и образы святых. За двадцать лет работы с камнем мастер достиг высокого уровня каноничности и точности художественной формы. Его стиль относится к новгородской, северной школе русского искусства, которой исторически присущи лаконичность, простота и в то же время – выразительность и одухотворенность.

ИРИНА БОНДАРЕНКО КОРРЕСПОНДЕНТ

С 2005 года работы Владимира Михайлова начали выпускаться на производственной базе «Балтийской Ювелирной Компании». Иконы, кресты с клеймом «Владимир Михайлов» востребованы и духовенством, и светскими людьми в России и во всем мире, они получили признание на международных выставках ювелирного искусства и стали украшением частных коллекций.

Сейчас, спустя много лет кропотливого ручного труда, мастер пользуется современными технологическими возможностями, но по-прежнему работает в своей маленькой мастерской, оборудованной прямо у него в доме, под Новгородом...

Владимир, какой была ваша первая работа?

Помню, нашел на берегу реки голыш, который сам лег в руку, и вместо того чтобы запустить его в воду блинчиком, принес домой. Полистал книги по новгородскому искусству, вырезал священнический крест сантиметром восемь высотой и подарил знакомому батюшке. С тех пор у нас завязалась дружба. Стали появляться заказы: изобрази такой образ, изобрази другой. В камнях у нас недостатка нет, окатыши всех оттенков устилают землю... Предложений было много, даже в промышленных масштабах: мы тебе заготовим плашек, камней – только режь! Но не пошло: нужно самому найти камень, самому его обработать, отшлифовать – только тогда родится образ. Через усердие и кропотливость. Иначе камень остается холодным.

А бывает, что камень трескается?

Как школьник, всегда этого боюсь! Трещины коварные, бывает, иную заметишь только в процессе работы, но, слава Богу, я научился их выявлять. Нужно камень намочить, а потом резко охладить – тут-то они и обнаружат себя. Важно еще слушать каменный звук. Постучишь по нему молотком, прислушаешься... Раньше у меня не было алмазных приспособлений, как сейчас, все резал обычными инструментами, а проверял рукой и ухом.

Теперь вы создаете модели из пластмассы, а их отливают из металла – золота и серебра. Что при этом изменилось в работе?

Если бы двадцать лет до того я не резал камень, а сразу бы соблазнился на пластмассу, может, меня как художника уже и не было бы. Сопrotивления в пластмассе немного. Камень – это все-таки философия, прожилики в нем, кристаллы внутренние, которые надо обходить. А пластмассу можно нарастить, если что не вышло. Поэтому, мне кажется, тот, кто начинал на более легком материале, далеко не пойдет: диалога с материалом нет. Но для меня исходный материал практически уже не имеет значения, теперь у меня достаточно силы для работы с пластмассой – не физической силы, а психологической.

При работе с пластмассой проявляется более утонченная детализировка, вложенное усердие, и, в результате, удивительный эффект, вспыхивающий в металле, намного превосходит даже то, о чем мечтал, – и это замечательно. Нежданная радость приходит. И ведь это в нашей православной традиции – украшать иконы золотом, серебром, драгоценными камнями...

Труд – это большая радость, и счастлив человек, который отдыхает работой, а отдыхом мучается. Мне кажется, что когда начинаешь работу со сложного, то Господь выводит со временем на более легкий путь. Сейчас мне по камню работать уже не под силу: чуть пыли глотну – и аллергия. Раньше была для меня великая радость – валун с берега притащить, раскроить его, распилить! И сейчас в кармане всегда лежит камешек, который ждет своего часа. Бывает, домой придешь, жена спать ляжет, а сам – за работу.

Резьба по камню – дело шумное...

Да, иногда соседи снизу прибежали: заработаешься, времени не помнишь. Мешал им стуком – было у меня увлечение камешки в медные оковки вставлять, а это микроузничное дело. Постепенно оковываешь медью камень с резьбой, причем важно выдержать степень

удара, чтобы медь плющилась, а камень не треснул. Тут про все на свете забываешь...

Жизнь есть Божий дар, а творчество – это когда еще и руку сверху чувствуешь. Только удивляешься – как это, за что мне такое? А если вдруг не вышло – убрал все и заново начал. Каждую работу начинаешь делать так, как будто в первый раз, с опаской. Работая, вспоминаю жития святых, а что у художника на уме, то у него и на руке. Тонко это все должно быть и не слащаво. И жития знать надо обязательно, чтобы не опуститься в ремесленничество.

Большое счастье, что я работаю для людей, грустно, когда работы художника уходят в пыль... Поначалу мне жалко было расставаться с образами, алчность такая была – все себе оставить, но это прошло. Теперь хочется поскорее «избавиться» от работ, пристроить их в хорошие руки, чтобы они жили, нужны были. Много есть примеров, когда художник всю жизнь собирал галерею у себя под кроватью и ни с чем остался.

Сами носите свои работы, помогает это вам как-то?

Ношу крестик, который мне батюшка благословил. Живой, слава Богу, значит, помогает. Носить можно все, что угодно, а внутри быть далеким от того, что висит у тебя на груди, так что «по плодам их узнаете их».

А случалось с вами когда-нибудь чудо?

Чудо для меня – стоять в храме после исповеди, после причастия. Вот это истинное чудо – никому, кроме тебя, незаметное облегчение. Или – проблема, которую хочешь решить, разрабатываешь сложнейшие, чуть ли не шахматные комбинации... А после молитвы – Бог так все управит, что исчезнет не то что комбинация, но и сама проблема.

Как вы думаете, почему людям нравятся носить на груди ваши образа, кресты?

Раз носят, значит, угадал в чем-то. У каждого своя дорожка, и если мой путь кому-то созвучен, я рад этому. Меня с детства тянуло к православным символам, любовался ими, западали в душу. Теперь вот сам делаю их. Кто-то красноречием Бога славит, кто-то пением, кто-то посредством изображения лика Его – «всякое дыхание да хвалит Господа».

«Перегородки» наши Его не касаются – это здесь, на земле, мы делимся: я православный, ты иудей, он католик, а для Бога мы все одинаковы. Красота объединяет всех. Поэтому, когда мои работы покупают представители других конфессий – буддисты, мусульмане, – мне очень радостно, значит, они находят в них что-то отвечающее их представлению о вере, какую-то свою духовность.

Наверное, в камнерезном деле рука должна быть твердой, как у снайпера?

А я в армии снайпером и был...

Сколько всего вы создали образов?

Сначала считал, фотографировал, а потом бросил... Знаю только, что много. Когда работаешь, весь в пыли и азарте, совсем другие проблемы занимают, не до фотографий.

Вы счастливый человек?

Да, чувствую себя таким. Нужен.

И здоровье пока есть.

Владимир, а вам никогда не хотелось удалиться от людей в затвор, в монастырь – и работать там, чтоб никто не мешал?

Я жизнь очень люблю. Жену люблю, детей. В свое время были искания, но жизнь состоялась именно так – а дальше как Бог даст. А одиночество и так нам обеспечено порой, и среди множества людей, правда?

Вы с детства были верующим человеком?

Благодаря бабушке, посеявшей зерно. Православие наше тем удивительно, что оно застыло в веках и не меняется. Радостно сознавать, что твой прадедушка, стоя в храме, молился теми же словами, что и ты. Зачем отрывать от этой связи, от своего рода? Все равно в другом мире будем все вместе. Жаль, конечно, что бабушка не видела моих работ, но это не столь важно. Это лишь наши средства, с помощью которых мы постигаем тот, другой, мир, приближаясь к нему...

